

УДК 1(09)

НАУКА И ИСКУССТВО В РЕФЛЕКСИИ К.Д. КАВЕЛИНА*

Е.Е. Михайлова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Михайлова Е.Е., 2022

DOI: 10.46573/2409-1391-2022-4-10-15

***Аннотация.** Рассмотрены воззрения на науку и искусство русского философа, историка Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885). На основе рассуждений Кавелина резонно признать концептуальность действия герменевтического круга в интеллектуальном исследовании и искусстве. В научном или художественном действии символически присутствуют три участника – автор, текст и читатель. Автор – ученый/художник. Текст – открытые новые данные / художественное произведение. Читатель – другие ученые или производство / публика. Анализ работ Кавелина показал, что в герменевтическом ракурсе на основе диалогической рефлексии для ученого и художника важен принцип постоянного «перепрочтения» текста с целью постижения нового знания и нового мировосприятия.*

***Ключевые слова:** К.Д. Кавелин, культура, наука, искусство, позитивизм, герменевтика.*

С именем русского философа и историка К.Д. Кавелина связан такой процесс, как проникновение позитивизма в сферу исторического знания. Исследователь начинал карьеру в качестве историка права, а в своем позднем творчестве он уже предстал как философ, разработчик позитивистской философии истории. С 60-х годов XIX века он увлекся философскими вопросами, в частности вопросами о пределах позитивного знания, сущности идеализма и материализма, взаимосвязи нравственности и права, свободе и насилии. Будучи профессором Петербургского университета и ученым-историком, он не понаслышке знал о проблемах российской науки. Сравнивая во время поездок по России и Европе устройство отечественных и зарубежных университетов, а также сотрудничая с учеными из разных стран, Кавелин не только выполнял правительственное задание, но и существенно обогащал собственное мировоззрение [5]. Цель данной статьи – рассмотреть философские взгляды Кавелина на соотношение науки и искусства.

После отмены крепостного права в России динамический ход прогрессивных реформ стал постепенно замедляться. Такие сферы, как политические и социальные институты, экономика и право, тяжело выходили из застоя и неопределенности; по-прежнему были крепки традиции сословного строя и ограниченного права. Отмечая

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

данный факт, Кавелин обращает внимание на такие стороны современности, как научное знание и искусство. Именно в этих сферах жизни философ усматривает прогрессивные попытки «выбиться из готовой колеи на какую-то новую дорогу» [3, с. 269]. Так образно описывает Кавелин очевидный рост количества новых знаний в науке и творческих идей в искусстве. Пока еще незрелый, осуществляющийся урывками, иногда даже бессознательно, этот рост был все-таки ощутим и важен для пореформенной России. Спорадический характер попыток русских ученых и художников выйти на новую дорогу философ объясняет двумя причинами. Первая заключается в том, что для образованного русского человека по-прежнему силен авторитет великих европейских образцов, на которых он воспитывался почти два века. Вторая причина: чтобы начать мыслить самостоятельно, русский человек должен научиться спокойно и сосредоточенно вырабатывать суждения, аргументировать их и подтверждать фактами. На основе этих суждений Кавелин приходит к выводу о том, что вызревающее самопознание образованного россиянина второй половины XIX столетия – это «результат критической мысли и работы» [3, с. 270].

Научиться самостоятельно мыслить, критически оценивать новое знание и выстраивать в соответствии с ним свою деятельность – это процесс длительный. По замыслу Кавелина, потребуются усилия как минимум двух поколений. Ученый верит, что в конце концов мыслящие люди создадут «стройное здание самостоятельной русской критики и русской науки» [3, с. 270]. Говоря о науке, Кавелин имеет в виду не накопленный ею фактический и теоретический материал, который, разумеется, имеет «безотносительную цену во все времена и при всех обстоятельствах» [1, с. 241]. Его интересует методологическая составляющая наук, в частности синтез абстрактно-теоретического метода (идеализма) и естественно-научного (материализма). Этому вопросу посвящена статья Кавелина «Мысли о современных научных направлениях: по поводу диссертации г. Неклюдова "Уголовно-статистические этюды"» (1865). В статье прямо говорится: «Идеализм и материализм глубоко укоренены в самом свойстве мышления, в самих условиях общественной и нравственной жизни, имеют твердую почву в вековых усилиях и завоеваниях науки» [1, с. 259]. Эта же мысль звучит и в более поздних работах Кавелина, например в статье «Философия и наука в Европе и у нас» (1884). У каждого метода (и естественно-научного, и абстрактно-логического) есть свои недостатки и достоинства. В перспективе развития научного знания важен их синтез. Подобным «мостиком», который соединил бы эти столь разные средства познания, на взгляд Кавелина, может стать герменевтический метод. Благодаря двойственному уровню понимания противоречий действительного мира (внутреннему (логика) и внешнему (научное измерение)) жизнь может предстать в другом ракурсе, как «обобщенная и замирная» [1, с. 257].

Неоднократно отмечалось, что, будучи позитивистом, т.е. поливариантно настроенным исследователем, Кавелин был далек от идеализации возможностей научного знания. Он непременно повторял, что наука не всесильна, что исследователь может ошибаться и неправильно объяснять факты, зачастую перенося свои внутренние представления на внешний мир явлений. В статье «Злобы дня» (1888) он прямо пишет: «Наука в своих заключениях, по своим приемам, неотразима; а между тем она не удовлетворяет, оставляет какие-то душевные потребности без объяснения и без ответа. В этом, очевидно, есть какое-то противоречие» [4, с. 145]. В первую очередь Кавелин говорит о трех науках: философии, истории и психологии. По его мнению, современная философия должна стремиться стать «понимающей себя психологией». В связи с этим

историки могут не только фиксировать и объяснять, но и интерпретировать психические процессы и свойства людей, живших много веков назад. Психологи должны внимательно изучать культурно-историческую среду, в контексте которой полнее раскрываются психологические факторы. Для исследователя в области психологии важна не материалистическая или психологическая сторона человеческого бытия, а соответствие между ними [3, с. 144].

Искусство, согласно интенции Кавелина, как и науку, следует рассматривать в контексте «умственного строя» российского общества 70–80-х годов XIX века. «Наш театр, наша литература, наши художественные выставки, наши музыкальные произведения выражают тот же разброд чувств и помыслов, какие видим и в образованных слоях русского общества», – пишет он в статье «О задачах искусства» [2, с. 1202]. Впервые опубликованная в журнале «Вестник Европы» в 1878 году, эта работа была включена в третий том собрания сочинений Кавелина, озаглавленный как «Наука, философия и литература: исследования, очерки и заметки» (СПб., 1899). Данную статью Кавелин посвятил русскому художнику Николаю Александровичу Ярошенко. По форме изложения текст выглядит как запись трех разговоров – с самим художником (о важности мнения публики); со знатоком живописи (о личных переживаниях и правдивости автора текста); с ученым (о пользе науки и искусства). Первый разговор проходит рефреном сквозь весь текст, символизируя тем самым герменевтический «круг», в логике которого движется мысль Кавелина. Охват вопросов, которые поднимаются в статье, достаточно широк: замысел и личные переживания автора; мнение и образованность публики; художественное творчество и ремесло; наука и искусство. Материал выстроен так, что с очередным разговором начатая ранее тема приобретает свежую тональность и поднимается на новый уровень личностного миропонимания. Последуем и мы логике разворачивания этих трех проблем.

Первая проблема связана с вопросом о том, почему для художника имеет значение мнение публики, воспринимающей продукт художественного творчества, а также уровень образованности ценителей искусства. В поисках ответа на этот вопрос Кавелин начинает часто посещать выставки, спектакли, делать заметки. Однако со временем результаты интенсивной интеллектуальной работы перестают радовать его. Ученый приходит к пониманию, что даже самое грамотное и аргументированное объяснение оказывается бессильным перед постижением тайны искусства. Если говорить о публике, то настоящих ценителей искусства всегда немного. На взгляд Кавелина, восприимчивость человека к искусству зависит от двух факторов: его духовной организации и уровня образования и просвещения в обществе. Число людей, интересующихся живописью, театром или музыкой, естественным образом может увеличиваться по мере роста знаний. При этом всегда будут и равнодушные люди, не испытывающие интереса к художественному творчеству. Говоря о численности публики, Кавелин пишет: «По мере расширения образованности и усиления развития, этот круг будет становиться все шире и шире, но никогда не включит в себя всех людей» [2, с. 1191]. Таким образом, Кавелин настаивает на важности двух факторов: личных переживаний самого художника; готовности публики разделять его творческий посыл.

Второй разговор в статье «О задачах искусства» выражен двумя взаимосвязанными вопросами: почему художественное произведение нравится, не нравится или оставляет равнодушным?; как осуществляется процесс восприятия

художественного произведения? Ответ на первый вопрос Кавелин связывает с состоянием «умственного строя» России; бытующими взглядами на искусство; предпочтениями публики; нравами и традициями, укрепленными в общественном устройстве. По тексту чувствуется, что второй собеседник – не конкретное, а собирательное лицо. Таким образом, личный спор Кавелина содержит в себе отголоски полемики, отраженной в известном художественном произведении 60-х годов XIX века. Замечания нигилиста Базарова из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» по поводу полезности науки и бесполезности искусства разбросаны по всему тексту: «порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта»; «искусство наживать деньги»; «занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве»; «Рафаэль гроша медного не стоит» и др. [6, с. 161, 162, 182, 183]. В романе у Базарова есть два оппонента – Павел Петрович Кирсанов и Анна Сергеевна Одинцова. Оба реагируют с явным удивлением на столь откровенную прагматику, но выходят из спора с разными аргументами: первый – с метафизическим, вторая – с нравственным. Приведем две цитаты, хорошо показывающие эту разницу.

Первая: «Николай Петрович потупил голову и провел рукой по лицу.

– Но отвергать поэзию? – подумал он опять, – не сочувствовать художеству, природе?

И он посмотрел кругом, как бы желая понять, как можно не сочувствовать природе» [6, с. 185].

Вторая: «Анна Сергеевна помолчала.

– И таки у вас ни капельки художественного смысла нет? – промолвила она ... – Как же вы это без него обходитесь?

– А на что он мне нужен, позвольте спросить?

– Да хоть на то, чтоб уметь узнавать и изучать людей» [6, с. 207].

Кавелин движется в русле споров тургеневских героев. В своих попытках ответить на второй вопрос о том, как осуществляется процесс восприятия художественного произведения, он использует потенциал такой молодой науки, как психологии. «Итак, мы, собственно, воспроизводим не действительность, а наши представления о действительности...», – рассуждает он [2, с. 1189]. Как историк-позитивист, со свойственным ему поливариантным видением процесса познания, Кавелин перечисляет факторы, воздействующие на восприятие художественного произведения. Национальная принадлежность, природные условия, совокупность обстоятельств, жизненные традиции, индивидуальные особенности творца, вкусовые предпочтения зрителя/читателя – эти и многие другие факторы делают бесконечно разнообразным процесс понимания искусства. По мнению Кавелина, разнообразие представлений важно для искусства [2, с. 1190]. Разноголосица мнений, с одной стороны, может означать интерес публики к замыслу художника, особенностям манеры его творчества, с другой – может быть полезной для самого художника, желающего возвращать в себе терпимость к плюрализму публики.

Третий собеседник в работе «О задачах искусства», как и второй, не персонифицирован Кавелиным. Он обозначен автором как приятель, считающийся поборником достижений науки, и выдвигает два суждения о сомнительной пользе искусства. Первый аргумент оппонента состоит в том, что искусство бесполезно, а затраты на него бессмысленны, тогда как все виды деятельности ученых «производительны, потому что результатом их всегда бывает какое-нибудь полезное для человека открытие или применение – то телеграф, то пароход, то машина,

уменьшающая труд или сохраняющая жизнь людей» [2, с. 1185]. Кавелин выдвигает контраргумент, говоря о том, что потребности выражать различные душевные переживания, например радость, грусть, тоску, ласку, имманентно присущи человеку с самых ранних времен. Они столь же велики, как и необходимость удовлетворять голод и жажду. Второй аргумент ученого приятеля сводится к тому, что искусство не несет практической нагрузки. Кавелин с удивлением парирует: «Человек, по-вашему, должен только производить и фабриковать полезные вещи?» [2, с. 1187]. Было бы нелепо считать, что музыка существует только лишь для того, чтобы способствовать дружной работе, а картина или театральная пьеса должны учить и воспитывать зрителя. В таком смысловом горизонте для искусства не остается места. Между тем искусство не должно быть поучительным и нравоучительным. Кавелин признается, что от пылкости его доводов собеседник замялся. Развивая далее мысль, он приходит к выводу: можно быть противником какого-либо направления в искусстве, но нельзя отрицать в целом значимость художественного творчества, так как оно придает человеку смыслы на основе субъективного представления о действительности [2, с. 1188].

Как видим, Кавелин критикует прагматический взгляд на искусство. По его мнению, искусство не должно учить и воспитывать. Сущность искусства состоит в том, что оно открывает человеку неизвестные ему самому свойства внутренней психической организации, создает возможность становиться более восприимчивым к новым впечатлениям. «На картине, в книге, в песне, в статуе действительная жизнь, борьба, битва, победа и поражение возводятся в художественное создание, в котором живые чувства, страсти, мучения, радости, стоны, кровь и клики являются преображенными и примиренными в общем впечатлении прекрасного» [1, с. 257].

В качестве обобщения, следуя рассуждениям Кавелина, нужно резонно признать концептуальную палитру действия герменевтического круга в науке и искусстве. Действие осуществляется тремя символическими участниками: автором, текстом и читателем. Автор – ученый/художник; здесь важны личные знания и переживания самого субъекта действия. Для ученого в качестве читателя выступают его коллеги или производство, для художника – его публика. Связь автора и читателя осуществляет текст – научное открытие / художественное произведение. На основе диалогической рефлексии в герменевтическом ракурсе важна значимость постоянного «перепрочтения» текста и постижения нового мироощущения и понимания.

На взгляд Кавелина, наука и искусство обладают рядом схожих характеристик. Общим является то, что и наука, и искусство – это формы культуры со своими особыми знаково-символическими средствами постижения мира. И науку, и искусство Кавелин рассматривает в контексте «умственного строя». «Умственный строй» – это широкое понятие, включающее менталитет, психические свойства народа, образованность, нравы и традиции, общественные идеалы. И научное исследование, и художественное произведение Кавелин расценивает как социальное действие, направленное на понимание человека и обновление его жизни. Кавелин не использует сам термин «герменевтический круг». Это понятие будет позже создано и разработано в трудах Х.-Г. Гадамера, В. Дильтея и других авторов теории исторического понимания. Однако в науках, изучающих человека, Кавелин, помимо познавательной функции, особо выделяет смысловую значимость понимания и интерпретативности фактов.

Различие науки и искусства коренится, на взгляд Кавелина, в вопросе о пользе этих форм культуры. Наука не может удовлетворить душевные потребности человека, как это делает искусство. Наука имеет цивилизационное и общественное значение,

искусство – психологическое и ментальное. Задача искусства заключается «в развитии душевного строя, психических привычек людей в сторону добра и правды» [2, с. 1217].

Библиографический список

1. Кавелин К.Д. Мысли о современных научных направлениях: по поводу диссертации г. Неклюдова «Уголовно-статистические этюды» // К.Д. Кавелин. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 241–268.
2. Кавелин К.Д. О задачах искусства // К.Д. Кавелин. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 1175–1219.
3. Кавелин К.Д. Философия и наука в Европе и у нас // К.Д. Кавелин. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 269–285.
4. Михайлова Е.Е. К.Д. Кавелин о «встрече» новых смыслов философии, истории и психологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2019. № 1 (47). С. 141–147.
5. Михайлова Е.Е. К.Д. Кавелин: Заграничные поездки и встречи как способ научного сотрудничества // Вече. 2021. № 33. С. 49–60.
6. Тургенев И.С. Отцы и дети // И.С. Тургенев. Записки охотника; Отцы и дети / пред. и комм. В.И. Коровина. М.: Детская литература, 1981. С. 143–302.

SCIENCE AND ART IN THE REFLECTION OF K.D. KAVELIN

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

***Abstract.** The views on science and art of the Russian philosopher, historian Konstantin Dmitrievich Kavelin (1818–1885) are considered. Following Kavelin's reasoning, it is reasonable to recognize the conceptuality of the operation of the hermeneutic circle in intellectual research and art. In a scientific or artistic action, there are symbolically three participants – the author, the text and the reader. The author – a scientist/artist. The text – open new data / artwork. The reader – other scientists or production / public. An analysis of Kavelin's works showed that from a hermeneutic point of view, on the basis of dialogic reflection, the principle of constant «rereading» of the text is important for a scientist and artist in order to comprehend new knowledge and a new worldview.*

***Keywords:** K.D. Kavelin, culture, science, art, positivism, hermeneutics.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и философии, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 9444-1370; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

About the author:

MIKHAILOVA Elena Evgenievna – PhD, professor of the department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; SPIN-code: 9444-1370; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru